

© 1997 г. А. МУСТАЙОКИ

ВОЗМОЖНА ЛИ ГРАММАТИКА НА СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ?

Рассматривая историю лингвистических учений, А.М. Ломов [Ломов 1994: 11–13] высказывает мысль, согласно которой в течение последних десятилетий номинативно-прагматическая парадигма постепенно вытесняла и вытесняет системно-структурную парадигму¹; С. Дик [Dik 1978: 4–5] называет эти конкурирующие парадигмы лингвистики функциональной и формальной соответственно. Обычно лингвисты избегают в этой связи употребления куновского понятия "смена парадигм", предполагающего неизбежность и неотвратимость изменения, а говорят о сосуществовании двух исследовательских направлений или подходов в лингвистике, что менее драматично; например, У. Фоли и Р. ван Валин [Foley, Van Valin 1984: 3] пишут по этому поводу: "Current theorizing in linguistics may be divided into two broad schools of thought which we will label *formal* versus *functional* orientation". Употребляются и другие термины: Э. Итконен [Itkonen 1983] говорит об автономной и каузальной, а В.И. Постовалова [Постовалова 1988: 8–9] об имманентной и антропологической ориентациях. Хотя указанные дихотомии в целом неидентичны, они отражают – каждая по-своему – два представления о языке: о языке как системе, построении структур, и о языке как средстве общения, как орудии для выражения мыслей². Когда рассматривается вопрос, возможна ли грамматика на семантической основе, ясно, что при этом базой служит последнее из отмеченных толкований языка.

Далее необходимо определить исследовательскую стратегию, а именно то, в каком направлении происходит описание языка: от значения/функции к форме или от формы к значению/функции. Принять такое решение вынуждает асимметричность языкового знака, т.е. факт, что между значением и формой нет взаимно-однозначного соответствия. Традиционное описание языка основывается на принципе 'от формы к значению/функции'. В этом легко убедиться, взяв наугад книгу по грамматике какого-либо языка. Там, по всей вероятности, мы найдем такие названия глав, как "Существительное", "Временные формы", "Сказуемое", "Придаточные предложения" и т.д. Многие исследователи обращали внимание на то, что такой подход отражает положение слушающего в коммуникации³.

Противоположный подход заключается в том, чтобы исследовать язык с точки зрения говорящего; тогда описание должно начинаться с понятий и представлений, которые говорящий хочет вложить в слова. Мысль о том, что описание в направлении

¹ Согласно А.М. Ломову [Ломов 1994: 13], "в основание новой парадигмы при ее возникновении легли три теории... – теория номинации, теория референции и теория речевых актов".

² Р. Ван Валин [Van Valin 1993: 1], характеризуя свою "ролевую и референциальную грамматику", помещает ее между двумя крайними позициями и называет ее "структурально-функциональной" теорией. Очевидно, положение где-то на континууме между экстремальными полюсами характерно для большинства лингвистических теорий.

³ Эта мысль была выражена, в частности, Г. фон дер Габеленцем [Gabelentz 1891: 96], З.М. Мурыгиной [Мурыгина 1977] и А.В. Бондарко [Бондарко 1988: 5–7]. Согласно некоторым исследователям [Храковский 1985: 67; Ломов 1994: 21], описание в направлении от формы к значению предшествует исторически описанию в направлении от значения к форме.

‘от формы к значению’ должно быть дополнено описанием в направлении ‘от значения к форме’, отнюдь не нова [Бондарко 1978: 7–35]. Правда, различные исследователи использовали различные термины для выражения этой дихотомии. Г. фон дер Габелентц [Gabelentz 1891: 97] упоминал "аналитическую и синтетическую системы". Есперсен [Jespersen 1924: 33] употреблял термины "внешняя форма" и "внутреннее значение", тогда как Щерба [1974: 56, 333–338] ввел понятия "пассивной" и "активной" грамматики. Кроме того, необходимо добавить, что тяготение языковедов к поиску универсальных семантических категорий является модификацией того же самого принципа. Согласно Итконену [Itkonen 1991], эта идея изначально сопутствует исследованию языка⁴.

Выше я старался уточнить, что в этой связи имеется в виду под грамматикой и а с е м а н т и ч е с к о й о с н о в е: это – грамматика, составленная по принципу ‘от значения к форме’. Требуется еще краткого замечания термин "грамматика", значение которого не такое очевидное, как можно полагать. Слово "грамматика" используется по крайней мере в трех различных смыслах⁵. Оно относится прежде всего к структуре какого-либо конкретного языка; во-вторых, оно может обозначать теорию, которая используется как основа для описания структуры языка; и, в-третьих, грамматика может быть книгой, в которой описывается структура языка. Когда мы говорим, что кто-либо знает грамматику некоторого языка или владеет ею, подразумевается первое значение. Второе значение имеется в виду в выражениях типа "генеративная грамматика была создана Н. Хомским" или "грамматику падежей развил Ч. Филлмор". А когда говорят, что кто-либо написал грамматику языка *x*, слово "грамматика" используется в его третьем значении⁶. При рассмотрении отношений между этими двумя последними значениями "грамматики" (теории, с одной стороны, и описания – с другой), один возможный подход – считать грамматическую теорию средством для достижения конечной цели, создания письменного описания структуры языка. Несмотря на явное соотношение этих двух значений слова "грамматика", в действительности между ними иногда нет никакой связи. Кажется, что среди языковедов более обычен такой подход, когда "грамматика" понимается только в одном из этих значений: *или* как теория, *или* как описание, но не понимается *и* как теория, *и* как описание. Теперь я перейду к рассмотрению требований, которые могут быть предъявлены к исследованиям, придерживающимся принципа ‘от значения к форме’. Многие из них взаимосвязаны; я попытаюсь условно суммировать их в виде десяти пунктов.

1. Семантические категории, служащие основой для описания, должны быть однозначно определены. Точность употребляемых понятий и терминов – очевидная цель любого научного исследования. Однако мне кажется, что ввиду расплывчатости самих этих категорий данное требование нельзя в полной мере выполнить.

2. Модель должна отражать психологическую действительность. Существует по крайней мере две интерпретации этого требования. Для Хомского и многих других это то же самое, что описать языковую компетенцию идеального носителя языка⁷. Для тех, интерес которых направлен на язык не как на потенциал, а как на конк-

⁴ О том, что интерес к этому вопросу не иссяк, свидетельствует, например, мнение Р. Джекендоффа [Jackendoff 1990: 10]: "The driving issue in generative linguistics... is to determine the form of Universal Grammar, consonant both with the variety of human languages and also with their learnability".

⁵ Соответствующие слова в других языках (например, англ. *grammar*, нем. *die Grammatik*, финск. *kielioppi*, букв. "учение о языке") имеют, как правило, эти же значения.

⁶ Й. Аувера различает эти два толкования слова "грамматика" таким образом, что Грамматику как теорию он пишет с прописной буквы, а грамматику как описание конкретного языка со строчной [Auwers 1989: 22].

⁷ Н. Хомский [Chomsky 1986] употребляет также понятия "external" и "internal language". Его интерес направлен, разумеется, к "внутреннему языку", отражающему способность человека знать язык (языки).

ретный речевой акт [Levelt 1989], психологическая реальность – это то же самое, что процесс порождения речи⁸.

3. **Модель должна быть универсальной.** Как говорилось выше, в течение веков и тысячелетий языковеды мечтают о создании универсальной для всего человечества основы исследования языка. С идеей описания языка на семантической основе, как правило, также связывается представление о том, что она более или менее является общей для различных языков.

4. **Категории, основанные на содержании, должны представлять собой семантические атомы, или примитивы, которые не могут быть разделены далее.** Как известно, систематически к созданию семантических примитивов, с помощью которых можно было бы описать все другие слова, стремится А. Вежбицка [Wierzbicka 1980: 28; 1991: 8]. К той же самой цели, но в несколько ином виде, приближаются многие другие лингвисты, в частности представители генеративной семантики, толкуя, например, значение глагола *дать* как каузацию владения.

5. **Семантическая основа описания должна быть соблюдена последовательно.** Поскольку языковые категории налицо в явном виде, а семантические категории, существующие в "сознании людей", не доступны прямому наблюдению, есть опасность прибегать к первым, думая, что они прямо соответствуют вторым. Другое возможное отклонение от этого требования наблюдается в некоторых теориях, в которых отстаивается позиция, согласно которой семантический компонент служит не основой описания, а интерпретационным элементом по отношению к синтаксическому компоненту.

6. **Переход от глубинной структуры (в данном случае она семантическая) к поверхностной структуре должен проходить по четким правилам.** Этот принцип, восходящий к генеративной грамматике, основывается на требовании придать описанию языка такую же строгость и точность, какая наблюдается в естественнонаучных исследованиях.

7. **Создаваемая модель должна быть применимой к разного рода машинным обработкам языка.** Это требование связано с предыдущим. Эффективность и достоверность порождающих правил могут (и должны?) быть проверены с помощью компьютера. Более общей целью описания языка может быть его применение к автоматическому анализу или порождению конкретного текста.

8. **Модель должна учитывать также явления, касающиеся прагматического использования языка.** "Прагматика" – понятие весьма диффузное. Одни ученые понимают под ним только актуальное членение, другие – субъективные оценки говорящего, третьи – речевые функции, четвертые – закономерности ежедневного общения.

9. **Описание должно быть полным, покрывающим язык в целом, а не только его отдельные фрагменты.** Это очевидное требование. Но его необходимо выделить, поскольку исследователи склонны тестировать применимость своих моделей только на весьма узком круге языковых явлений.

10. **Модель должна быть применимой к написанию грамматик (в третьем значении этого слова).** Если же слово "грамматика" – сознательно или интуитивно – понимается только в первом и втором его значении, это требование теряет свою релевантность.

В настоящее время существуют десятки лингвистических моделей, следующих в той или иной форме принципу 'от значения к форме'. Они включают многочисленные семантические вариации генеративной грамматики, падежных грамматик, функциональных грамматик и т.д. Легко согласиться с тем, что ни в одной из

⁸ Р. Джекендофф [Jackendoff 1978: 201] связывает всю лингвистическую теорию с изучением психологической реальности следующим образом: "The goal of contemporary linguistic theory is a description of what it is that a human being knows when he knows how to speak a language". Кроме того, некоторые лингвисты подчеркивают психологическую реальность с точки зрения овладения языком.

них полностью не учтены все отмеченные выше требования. Действительно, одновременный учет всех их кажется невозможным. Лингвистам не остается другого выхода, как так или иначе мириться с этим очевидным фактом. Великое множество разных конкурирующих моделей возникает вследствие того, что представители различных школ и направлений оценивают удельный вес разных требований по-разному. Одни из них, как правило, считаются основными ("святыми"), другие же или просто забываются, или же игнорируются по какой-либо причине. Другой подход, распространенный среди исследователей, – это поставить определенные цели, но модифицировать их так, что они на практике оказываются лишь мнимыми.

Рассмотрим некоторые примеры. Мне кажется, что принципиальная демаркационная линия отграничивает тех лингвистов, для которых "грамматика" прежде всего (часто исключительно) теория, от тех, которые воспринимают термин "грамматика" в его третьем значении. В своем докладе на конференции "Лингвистика в конце двадцатого века: итоги и перспективы" (Москва, 1995) В.З. Демьянков привел таксономию 75-ти лингвистических теорий и направлений. Абсолютное большинство отмеченных в списке грамматических моделей не применены к описанию ни одного "целого" языка. Для сторонников этих лингвистических школ грамматика – это теория языка⁹. С другой стороны, в практических грамматиках [Метс 1985] трудно найти следы какой-либо теоретической концепции, иными словами, десятое требование центрально, а на остальные не обращается внимание.

Кроме описательных грамматик, лингвистические теории могут быть применены к разного рода автоматизированным обработкам языкового материала (седьмое требование). Существует явное "социальное требование" для призыва лингвистов к такой деятельности. Следовательно, не удивительно, что многие ученые фокусируют свое внимание прежде всего на создании моделей, подходящих для компьютерного анализа языкового материала. Эта конечная цель во многом отражается и на проведении исследования. Следует, однако, объективно рассмотреть результаты таких усилий. Оказывается, что весьма часто практические компьютерные применения разных моделей неудовлетворительны или полностью отсутствуют. Успешные конкретные решения компьютеризации обработки языкового материала нередко основываются не на новых современных грамматических моделях, пытающихся отражать психологическую реальность, а на совсем иных принципах, которые могут быть сравнительно традиционными [Karlsson 1995].

Приведем еще пример того, как весьма узко определяются отмеченные требования. Одной из целей "Функциональной грамматики" С. Дика [Dik 1978; 1989a; 1989b] является прагматическая адекватность. Однако оказывается, что на практике это не означает ничего иного, как учета актуального членения (тема/рема-структуры) предложения.

Теперь я представлю модель описания, основанную на определенной переоценке относительной важности упомянутых выше теоретических и практических требований, которые могут быть предъявлены к лингвистическим моделям, опирающимся на семантику. Я вернусь к этим требованиям в конце статьи, для того чтобы дать более детальное представление о том, в какой мере каждое из них выполняется; сейчас достаточно охарактеризовать главную особенность концепции. Она может быть кристаллизована с помощью отмеченных двух последних значений слова "грамматика": вместо учета только одного из них, в модели в равной мере уделяется внимание обоим значениям. Другими словами, цель модели заключается в том, чтобы создать метод описания, который даст возможность на основе достаточно четких теоретических предпосылок написать исчерпывающую и системно организованную грамматику, основанную на принципе 'от значения к форме'.

⁹ Й. Аувера [Auwera 1989: 22] считает, что разница между грамматиками и Грамматикой градуальна. Однако, опыт показывает, что ученые-грамматисты чаще всего стремятся только к одной цели: или к созданию теории, или к написанию грамматики.

Эта модель, называемая "Функциональный синтаксис", развивается последние несколько лет в Хельсинкском университете под моим руководством. Она, конечно, не могла возникнуть на пустом месте, а испытывает влияние различных лингвистических традиций и школ, а также творчества отдельных исследователей. Идеи различных функциональных грамматик – особенно грамматик А.В. Бондарко [Бондарко 1983; 1987], С. Дика [Dik 1978; 1989b] и Г.А. Золотовой [Золотова 1973; 1982] – естественно, не могут не отражаться на ней. Важным источником являются также превосходные системные генеративные описания П. Адамца (1973, 1975, 1978) различных аспектов русского языка. Из западных подходов, которые оказали особенное влияние на данную теорию, пожалуй, самый значительный – падежная грамматика Ч. Филлмора. Некоторые точки соприкосновения модель имеет также с концепциями Р. Джекендоффа и "Ролевой и референциальной грамматикой" Фоли и Ван Валина¹⁰.

Название "функциональный синтаксис", по-видимому, нуждается в некотором объяснении. Я назвал свой подход "функциональным" с полным пониманием риска, связанного с использованием этого термина: подход 'от значения к форме' имеет также несколько других названий¹¹, и, наоборот, не все модели, называемые "функциональными", в действительности основываются на этом принципе¹². Кроме того, как уже говорилось в начале статьи, термин "функциональный" употребляется также в более широком значении. Слово "синтаксис" было предпочтено "грамматике" по двум причинам. Во-первых, термин "функциональная грамматика" уже "зарезервирован" для использования двумя различными школами функционализма (школами Дика и Бондарко). Во-вторых, хотя границы между разными уровнями грамматики в контексте моей теории частично теряют свою релевантность, синтаксис является тем не менее тем компонентом традиционной грамматики, который имеет больше всего общего с этой моделью. Говоря более конкретно, фонологические и морфологические явления описываться не будут. "Функциональный синтаксис русского языка", например, расскажет своему читателю, что конструкции, употребляемые для описания физических состояний, включают структуру 'существительное в винительном падеже + глагол в третьем лице единственного числа'; но информация о том, как образовать винительный падеж или третье лицо единственного числа, включаться не будет.

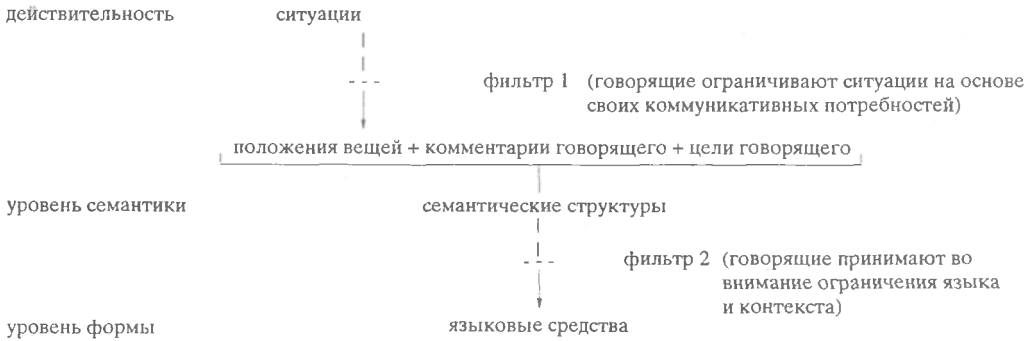
Представление модели, которое здесь может быть осуществлено только в самых общих чертах, целесообразно начать со схемы, отражающей соотношение действительности, сознания и языка, – с вопроса, который интересует ученых со времен Аристотеля [Itkonen 1991]. (См. схему 1 на с. 20)

Необходимо сразу подчеркнуть, что, несмотря на определенную аналогию схемы с процессом порождения речи, ее цель заключается не в том, чтобы описать конкретный речевой акт, а в том, чтобы определить исходную точку зрения описания языка по принципу от 'значения к форме'. Следовательно, задача функционального синтаксиса заключается в том, чтобы, во-первых, составить исчисление семантических структур, образующих основу описания, и, во-вторых, показать, какими языковыми средствами и при каких условиях они выражаются.

¹⁰ Из-за ограниченного объема статьи нет возможности конкретно указать различие между "функциональным синтаксисом" и другими упомянутыми концепциями.

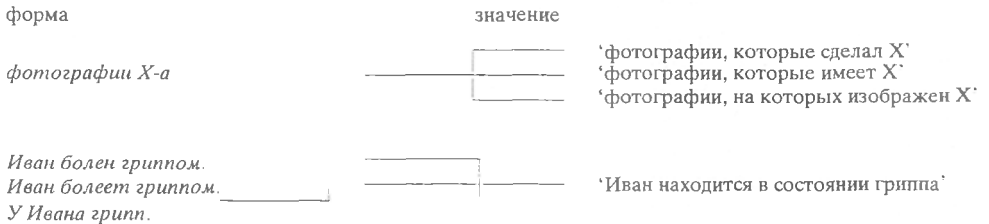
¹¹ Тот подход, который мы называем функциональным, называется также ономазиологическим в отличие от традиционного семасиологического подхода [Гак 1977: 17–18; Гак 1985: 12–15; Даниленко 1988: 108]. В.А. Белошапкова и И.Г. Милославский [Белошапкова, Милославский 1988: 7] употребляют при этом знакомый из лексикографии термин идеографический (ср. название их книги "Идеографические аспекты русской грамматики"). Характеризуя концепцию функционально-коммуникативной грамматики, М.В. Всеволодова [Всеволодова 1988: 28] констатирует, что в основном данная грамматика исходит из семантики, но в ней должен быть использован и подход "от формы к значению".

¹² О многозначности термина "функциональный" свидетельствует то, что Ф. Данеш [Daneš 1987] дает ему пять различных значений только в рамках задач Пражской лингвистической школы.



Чтобы конкретизировать различие между уровнями семантики и формы, необходимо сначала напомнить об асимметричности языкового знака. Как показывают примеры на схеме 2, одна форма может иметь несколько значений, с одной стороны, а одному значению может соответствовать несколько форм – с другой.

Схема 2



Многозначным предложениям уделено много внимания в теории генеративной трансформационной грамматики. Тот факт, что некоторые выражения являются, со структурной точки зрения, двусмысленными, послужил одним из важнейших оснований допустить существование особой глубинной структуры. В описаниях же, построенных по принципу 'от значения', особый интерес вызывают случаи, когда одному значению соответствует более чем одно средство его выражения. Поскольку задачей грамматики является описание не отдельных синтаксических единиц, а их структурных типов, отношение между формой и значением следует рассматривать на уровне семантических и синтаксических структур. Так, например, все различные синтаксические средства, описанные в примерах (1–7), репрезентируют семантическую структуру (8), отражающую положение вещей, в котором Экспериментер (E) находится в определенном физическом состоянии (St_{Ph}).

- (1) *Иван болен.*
- (2) *Иван болеет гриппом/астмой.*
- (3) *У Ивана температура/грипп/рак/астма.*
- (4) *Иван страдает от астмы.*
- (5) *Ивана тошнит/лихорадит.*
- (6) *Ивану больно.*
- (7) *С Иваном обморок.*
- (8) [St_{Ph} ; E]

В отличие от традиционного синтаксиса, где указанные синтаксические модели описаны в разных его разделах, в книге, представляющей функциональный синтаксис

русского языка, эти примеры можно будет найти в одной главе, озаглавленной "Физическое состояние". Цель этой главы – описать те поверхностные структуры, которые могут быть использованы для выражения физических состояний. В дополнение к инвентарю релевантных структур описание должно также включать условия и ограничения, относящиеся к употреблению определенных структур. Такие ограничения могут быть стилистическими (конструкции типа (7) вряд ли могут быть употреблены в официальном документе), контекстуальными (конструкции типа (6) обычно не встречаются в ответах на вопрос "Как чувствует себя *x*?"), синтаксическими (предложения (9) и (10) противоречат правилам синтаксиса русского языка) и лексико-семантическими (в примерах (11) и (12) сочетаемость слов нетипична для русского языка).

- (9) *Ивана больно.
- (10) *Ивану насморк.
- (11) *Иван болеет раком.
- (12) *С Иваном рак.

Вернемся к схеме 1 и соотношению в ней действительности и семантического уровня. Ситуация является частью 'действительности', которая может в свою очередь относиться к любому из трех миров Поппера – миру физических явлений, миру субъективного сознания или миру объективного знания [Popper, Eccles 1984]. Ситуация включает различные элементы, среди которых некоторые будут трактоваться говорящим как иррелевантные. В "фильтре 1" говорящий ограничивает ситуацию на основе своих собственных коммуникативных потребностей. На основе примера (13) можно сделать вывод, что говорящий считал иррелевантным, в частности, то, каким образом "давание" книги осуществилось (из рук в руки, через кого-нибудь, "абстрактно" без конкретного акта и т.д.). Значит, хотя это обстоятельство, безусловно, было одним из элементов конкретной ситуации, оно осталось невыраженным.

- (13) Нина дала Ивану книгу.
- (14) Книга была дана Ивану Ниной.

В этой связи необходимо затронуть различие между лексикологией или лексической семантикой, с одной стороны, и синтаксисом – с другой. В цели традиционного синтаксиса входит, в частности, описание различий между предложениями (13) и (14), в то время как семантические различия между глаголами типа *доставать* и *купить* лежат за пределами сферы синтаксиса. Соответственно, цель функционального синтаксиса заключается в том, чтобы создать совокупность семантических структур и описать, какими синтаксическими средствами они выражаются, но особенно, относящиеся к области лексической семантики, остаются вне рассмотрения.

До сих пор мы имели дело с упрощенными примерами, состоящими только из ядерной структуры. Ядерные структуры могут, однако, быть расширены за счет таких явлений, как каузация и выражения темпоральной фазы. Важную роль играют также различные спецификаторы, такие, как Время, Аспектуальность, Определенность, Модальность, Количество, Место и т.д.

Вернемся еще раз к схеме 1. Там утверждается, что говорящий добавляет свои собственные комментарии к положению вещей и определяет цель, с которой он произносит свое высказывание. Эти вопросы описываются в функциональном синтаксисе с помощью того, что известно как 'комментаторы'. Это можно пояснить путем рассмотрения некоторых последующих примеров.

- (19) Нина, дай Ивану книгу!
- (20) Нина, очевидно, дала Ивану книгу.
- (21) {[Func = ПРОСИТЬ; S, R₁] [AcPos; S₁, R, O]}
- (22) {[Aut = ПРЕДПОЛАГАТЬ; S] [AcPos; S, R, O]}

Предложение (19) соответствует структуре (21), тогда как предложение (20) соответствует структуре (22). Каждое из этих предложений основывается на ядерной структуре с предикатом действия, приводящим к обладанию (поссессии) (Ac_{pos}), и трех актантах: Агенте-Субъекте (S), Реципиенте (R) и Объекте (O). К этой ядерной структуре добавляется комментатор, состоящий в этом случае из так называемых метаглаголов ПРОСИТЬ и ПРЕДПОЛАГАТЬ и связанных с ними актантов. ПРОСИТЬ – метаглагол, относящийся к речевым функциям, тогда как ПРЕДПОЛАГАТЬ связан с авторизацией. Все это представлено на метаязыке, который, как это ясно из примеров, тем не менее имеет сходство с естественным (здесь: русским) языком. Другая возможность заключалась бы в том, чтобы использовать искусственный метаязык. В течение веков философы и логики пытаются создать такой язык, но безуспешно. Было бы нецелесообразно сидеть и ждать решения этой проблемы – и более всего потому, что конечный результат, если бы он когда-либо был достигнут, вряд ли был бы достаточно доступным для использования вне круга узких специалистов. По этим причинам метаязык, используемый в функциональном синтаксисе, будет базироваться на естественном языке. Это позволит передавать разные "вспомогательные глубинные лексемы" в достаточно точной форме. Однако важно, чтобы читатель полностью понимал основной принцип функционального подхода, в соответствии с которым список поверхностных репрезентантов того или иного метаглагола может включать несколько различных глаголов, а также различные грамматические категории или слова, принадлежащие к другим частям речи.

Следует сказать еще несколько слов о самой сложной проблеме построения любой модели, придерживающейся принципа 'от значения к форме': откуда исследователь берет семантические структуры, служащие основой всего описания языка, – они же скрыты от прямого наблюдения в сознании человека? Простого и окончательного ответа на этот вопрос нет. Однако другие компоненты трихотомии, язык и действительность (правда, только реальный мир), доступны непосредственному наблюдению. Таким образом, нет другого выхода, как составить на их основе как можно более удовлетворительную картину о третьем звене трихотомии, уровне семантики. При этом исследователь-лингвист не может не опираться на свою интуицию или интуицию (других) носителей языка. На мой взгляд, это вообще неизбежно в лингвистике, если языковой знак понимается в полном его представлении, т.е. включающий как план выражения, так и план содержания.

После этого весьма краткого обзора можно представить эскиз оглавления "Функционального синтаксиса". Напомним об общем принципе: каждая глава должна ответить на вопрос, как содержание x выражается в рассматриваемом языке.

Ядерные положения вещей

Физические действия. Физические состояния, Эмоциональные состояния,
Существование и изменения в нем. Характеризация. Идентификация и т.д.

Расширения ядра

Каузация, Темпоральная фаза

Комментарии говорящего

Речевые функции, Авторизация

Спецификаторы

Время, Аспектуальность, Модальность, Определенность, Количество, Место и т.д.

Первый набросок "Функционального синтаксиса", охватывающий его теорию в более или менее полном виде, был опубликован на финском языке в 1993 г. [Mustajoki 1993]; некоторые отдельные вопросы рассмотрены также в статьях [Мустайоки 1993а; 1993b]. Полностью переработанная версия книги находится сейчас на завершающей стадии и появится на русском языке под названием "Теория функционального синтаксиса". Рукопись книги была рассмотрена по моей просьбе не только членами исследовательской группы, но также четырьмя ведущими специалистами из других

стран (П. Адамцом, Н.А. Арутюновой, Г.А. Золотовой и К. Чвани): их замечания оказались весьма ценными. Другая предстоящая теоретическая публикация – это книга А. Честермана, члена исследовательской группы: в этой книге функциональный подход будет рассматриваться с точки зрения контрастивной теории. В это же время проходит проверка модели на конкретном материале: подготавливаются два функциональных описания русского синтаксиса, более основательная книга на русском языке и более краткая версия, которая должна появиться на английском языке. В составлении книг участвуют Л.А. Бирюлин, Х. Хейно и Ю. Папинниemi. Мы намереваемся действовать в дальнейшем таким же образом, вводя в модель последующие усовершенствования в плане теории и в то же самое время проверяя ее в контексте практического применения. Однако уже сейчас ясно, что окончательной версии "Функционального синтаксиса" никогда не будет.

Наконец, мы должны вернуться к вопросу, поставленному в заглавии статьи: возможна ли грамматика на семантической основе? Как теперь стало ясно, ответ должен быть отрицательным, если разделять представление о том, что она должна отвечать всем тем требованиям, которые были перечислены выше. Диффузная природа семантических категорий сама по себе является источником практически непреодолимых трудностей, если цель заключается в том, чтобы достичь полной точности. На практике исследователи, которые работают в этой области, должны идти на различные компромиссы. С этой оговоркой на вопрос, поставленный в заглавии статьи, может быть дан утвердительный ответ. Можно сказать, что дескриптивная модель, основанная на принципе 'от значения к форме', – это не только возможное, но также и очень полезное дополнение к арсеналу лингвистического исследования.

В заключение необходимо кратко изложить, как в "Функциональном синтаксисе" учитываются требования, о которых шла речь выше. Как я отметил ранее, теория "Функционального синтаксиса" включает в себя попытку оценить заново эти требования; результатом этого будет новый набор акцентов. В то время как некоторые из этих требований рассматриваются как абсолютные, некоторые другие неизбежно должны будут модифицироваться или даже по сути дела игнорироваться. Общим тоном теории "функционального синтаксиса" является принцип определенной реалистичности – однако не в таком духе, как это понятие употребляет Д. Бреснан [Bresnan 1978: 3], которая стремится к созданию "реалистической (realistic) грамматики", понимая под этим психологическую реальность. Для меня "реалистичность" модели означает совсем другое: она должна быть применима к конкретному описанию языка. Более конкретно она отражает (или не отражает) упомянутые требования следующим образом.

1. Семантические категории, которые образуют основу всего "Функционального синтаксиса", должны быть определены как можно более точно; при этом можно использовать и различные тесты. Невозможно, однако, достичь полной точности.

2. Модель не нацелена на отражение психологической действительности в смысле процесса порождения речи или компетенции носителя языка. Принципиальный отказ от этой цели основывается на двух обстоятельствах. Во-первых, на нынешней стадии науки это далеко не реализуемая цель, во-вторых, такую цель вообще целесообразно поставить перед психологами (и психолингвистами), но не перед лингвистами.

3. Универсальность, если она понимается как применимость ко всем языкам мира, – нереальная задача, а в некоторых отношениях даже препятствие с точки зрения практической полезности модели. Считается, что достаточная степень универсальности достигнута, если есть гарантия того, что модель не зависит непосредственно от поверхностных структур какого-либо отдельного языка. Это дает возможность описывать и сопоставлять различные языки, используя одну и ту же базовую модель.

4. При определении содержательных категорий не следует ставить целью сокращение их до семантических атомов, или примитивов, которые не могут быть разделены далее. Например, на мой взгляд, нецелесообразно представлять давание как

каузацию обладания¹³. При определении точной "глубины" описания нужно стремиться к золотой середине. Расщепление значения на избыточное число компонентов делает описание излишне усложненным и не соответствует интуиции носителя языка (который не рассматривает давание как каузацию обладания). Однако чрезмерное внимание к поверхностной структуре означало бы, что принцип 'от значения к форме' утратил бы свою первоначальную идею.

5. Основа описания в модели должна верно и последовательно отражать семантические, а не языковые категории. Это центральное требование. Так, например, интерпретация актантной структуры предикатов на уровне семантики не должна находиться под воздействием особенностей валентности, ассоциируемой с глаголами поверхностного уровня: существенным критерием должно быть число и характер партиципантов, вовлеченных в положение вещей.

6. Функциональный синтаксис не ставит целью описать переход от глубинного уровня к поверхностному уровню в виде четких стадий, определяемых правилами перехода. Соответствия между этими двумя уровнями устанавливаются не генеративным, а интуитивным способом.

7. В семантических структурах учитываются некоторые прагматические явления, например, различные речевые акты. (Поэтому было бы более точно говорить не о принципе 'от значения к форме', а 'от значения и функции к форме'.) Другие прагматические явления могут также интерпретироваться как комментаторы или как ограничения на использование различных поверхностных выражений.

8. Модель не претендует на ее применение в компьютерной форме. В связи с этим целесообразно помнить о том, что большинство моделей, в которых достигают "компьютерообразной" точности, никогда не получают практического применения. Однако не исключено, что модель может быть использована при составлении особого "словаря" (в компьютерной форме), который отвечал бы на вопросы типа "Как выражается *x* в данном языке (как в лексическом, так и в синтаксическом плане)?"

9. Описание стремится к полноте в том смысле, что оно должно покрывать "весь" язык, а не только какие-либо отдельные его фрагменты.

10. Модель должна быть реалистичной и в том смысле, что она может быть применима к созданию грамматики того или иного языка (в третьем значении слова "грамматика"). Реализация этой цели должна также проверяться на практике.

Как, очевидно, стало ясным, семантический уровень в "Функциональном синтаксисе" мог бы также служить возможным *interlingua* для исследований в области теории перевода или *tertium comparationis* для контрастивного анализа языков.

Рассуждение о возможности применять теорию "Функционального синтаксиса" или другие теории к составлению синтаксиса какого-либо конкретного языка, стоит закончить словами С. Дика [Dik 1989b: 35]: "Bad linguistic theory should not be replaced by no linguistic theory, but by better linguistic theory". Таким образом, я не разделяю мнение Ф. Стурмана [Stuurman 1989] о том, что "открытая" (= дескриптивная) и "узкая" (теоретическая) грамматика достигают своих целей только в том случае, если они развиваются отдельно друг от друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамец П. 1978 – Образование предложений из пропозиций. Прага. 1978.
Белошапкова В.А., Милославский И.Г. 1988 – Идеографические аспекты русской грамматики / Ред. В.А. Белошапкова, И.Г. Милославский. М., 1988.
Бондарко А.В. 1978 – Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
Бондарко А.В. 1983 – Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
Бондарко А.В. 1987 – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1987.

¹³ См. рассуждения по этому поводу В. Левельта [Levelt 1989: 93].

- Бондарко А.В. 1988 – Направления функционально-грамматического описания "от формы" и "от семантики" // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1988.
- Всезолодова М.В. 1988 – Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка // Языковая системность при коммуникативном обучении. Ред. О.А. Лаптева, Н.А. Лобанова, Н.И. Формановская. М., 1988.
- Даниленко В.П. 1988 – Ономастологическое направление в истории грамматики // ВЯ. 1988. № 3.
- Гак В.Г. 1977 – Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
- Гак В.Г. 1985 – К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
- Золотова Г.А. 1973 – Очерки функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова Г.А. 1982 – Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Ломов А.М. 1994 – Типология русского предложения. Воронеж, 1994.
- Метс Н.А. 1985 – Практическая грамматика русского языка (для зарубежных преподавателей-русистов) / Ред. Н.А. Метс. М., 1985.
- Мурыгина З.М. 1977 – Статус говорящего в речевой деятельности (теория языка К. Бюлера и современная кибернетика) // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 8: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики / Гл. ред. В.А. Звегинцев. М., 1977.
- Мустайоки А. 1993а – Выражение модальности в модели функционального синтаксиса // Slavistische Beiträge. 305. München, 1993.
- Мустайоки А. 1993б – Аспектуальные разряды положений вещей в функциональном синтаксисе // Studia Slavica Finlandensia. X. Helsinki, 1993.
- Постовалова В.И. 1988 – Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебrenников. М., 1988.
- Храковский В.С. 1985 – Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
- Щерба Л.В. 1974 – Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Ярцева В.Н. 1985 – Проблемы функциональной грамматики / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1985.
- Adames P. 1973 – Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка I: Однобазовые предложения. Praha, 1973.
- Adames P. 1975 – Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка II: Двухбазовые предложения с нефинитными К-структурами. Praha, 1975.
- Auwera J. van der 1989 – Linguistic pragmatics and its relevance to the writing of grammars // Reference grammars and modern linguistic theory. Wiesbaden, 1989.
- Bresnan J. 1978 – A realistic transformational grammar // Linguistic theory and psychological reality / Ed. by M. Halle, J. Bresnan and G.A. Miller. Cambridge (Mass.); London, 1978.
- Chomsky N. 1986 – Knowledge of language: its nature, origin, and use. New York, 1986.
- Daneš F. 1987 – On Prague school functionalism in linguistics // Functionalism in linguistics / Ed. by R. Dirven and V. Fried. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Dik S.C. 1978 – Functional grammar. Amsterdam, 1978.
- Dik S.C. 1989а – Functional grammar and its relevance to grammar writing // Reference grammars and modern linguistic theory. Wiesbaden, 1989.
- Dik S.C. 1989b – The theory of functional grammar. Pt I: The structure of the clause. Dordrecht, 1989.
- Foley W.A., Van Valin R.D. 1984 – Functional syntax and universal grammar / Cambridge, 1984.
- Gabelentz G. 1891 – Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1891.
- Graunstein G., Leitner G. 1989 – Reference grammars and modern linguistic theory / Ed. by G. Graunstein, G. Leitner. Wiesbaden, 1989.
- Itkonen E. 1983 – Causality in linguistic theory. London, 1983.
- Itkonen E. 1991 – Universal history of linguistics (India, China, Arabia, Europa). Amsterdam; Philadelphia, 1991.
- Jackendoff R. 1978 – Grammar as evidence for conceptual structure // Linguistic theory and psychological reality / Ed. by M. Halle, J. Bresnan, G.A. Miller. Cambridge (Mass.); London, 1978.
- Jackendoff R. 1990 – Semantic structures. Cambridge (Mass.); London, 1990.
- Jespersen O. 1924 – The philosophy of grammar. London, 1924.
- Karlsson F. 1995 – Designing a parser for unrestricted text // Constraint grammar: A language-independent system for parsing unrestricted text / Ed. by F. Karlsson et al. Berlin; New York, 1995.
- Levelt W. J.M. 1989 – Speaking: From intention to articulation. Cambridge (Mass.). London, 1989.
- Mustajoki A. 1993 – Mielestä kieleen: kontrastivisen funktionaalisen lauseopin teoria. Helsinki, 1993.
- Popper K., Eccles J. 1984 – The self and its brain. London, 1984.
- Sturman F. 1989 – Generative grammar and descriptive grammar: Beyond juxtaposition? // Reference grammar and modern linguistic theory. Wiesbaden, 1989.
- Van Valin R.D.Jr. 1993 – A synopsis of role and reference grammar // Advances in role and reference grammar / Ed. by Van Valin R.D.Jr. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Wierzbicka A. 1980 – Lingua Mentalis (The semantics of natural language). Sydney, 1980.
- Wierzbicka A. 1991 – Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin; New York, 1991.